

Хэ Ян, истолковав молчание Лу Тинфэна как знак согласия, на коленях подполз к журнальному столику. Каждое движение давалось с трудом, колени ныли от холодного пола, но он не замечал боли, а лишь смотрел на бумаги, которые должны были поставить точку в этой долгой, мучительной главе его жизни. Дрожащими руками он отыскал договор, по которому уходил ни с чем, и, не колеблясь ни секунды, поставил свою подпись. От бумаги пахло типографской краской и чем-то казённым, а иероглифы вышли неровными, дрожащими, но это была его воля, его решение, и, протягивая бумаги Лу Тинфэну, он с горькой усмешкой добавил: «Вот... готово», желая, чтобы тот убедился: подпись стоит. Рука его дрожала, но голос звучал удивительно ровно.

Лу Тинфэн словно очнулся от забытья. Опустил взгляд на бумагу, где чернели две аккуратные, но дрожащие строчки: «Хэ Ян». «Подписал. Сам. Без единого слова. Тот, кто раньше цеплялся за этот брак зубами и ногтями, теперь поставил подпись, даже не взглянув на второй экземпляр». А потом медленно поднял глаза на человека, стоящего перед ним на коленях. Щёки, ещё недавно покрытые румянцем, теперь были бледны, как больничная простыня, ясные глаза заволокло серой пеленой, словно из них ушла сама жизнь, и только влажные дорожки на висках выдавали, что он плакал. И всё же Хэ Ян улыбался, криво и обречённо, а слёзы, которые он из последних сил сдерживал, уже застилали взор. Лу Тинфэн почувствовал, как кадык дёрнулся, и поспешно отвёл глаза. Что-то кольнуло в груди, остро и неожиданно, но он заставил себя не думать об этом.

— Твой брат в «Бостоне». Одиннадцатый этаж, 1103, — бросил он, но голос прозвучал глухо, словно через силу, и сам он услышал в нём фальшь.

— Спасибо... спасибо, — выдохнул Хэ Ян, и голос его прозвучал так тихо, что Лу Тинфэн скорее угадал слова по губам, чем услышал, а потом, не дав ему договориться, опёрся о край столика, чувствуя, как холодное дерево впивается в ладонь, медленно поднялся и заставил себя улыбнуться, хотя глаза нестерпимо жгло от подступивших слёз. Он не заплачет из-за этого человека. Ни за что.

В груди разливалась тупая, тягучая боль, и Хэ Ян понял: он ошибался, думая, что хуже уже не будет. Даже подписанный договор не остановил эту боль, сердце всё равно разрывалось на части, не давая дышать, словно напоминая, что прошлое просто так не отпускает. Оно вцепляется мёртвой хваткой и не желает отпустить.

— Лу Тинфэн, — выпрямившись, он посмотрел ему прямо в глаза, и голос его звучал ровно, почти спокойно, — когда можно будет получить свидетельство о разводе?

— Завтра. Жди меня в ЗАГСе. Как только оформим, сразу получишь.

— Хорошо.

Развернувшись, Хэ Ян пошёл к двери, не оглядываясь, не замедляя шага. Каблуки глухо простучали по паркету, и этот звук, размеренный и окончательный, эхом разнёсся по пустой гостиной, а спина его была прямой, плечи расправлены. Он не позволит себе согнуться. Ни

сейчас, никогда.

На часах была уже полночь, когда он вышел за ворота виллы. Снег всё ещё падал, крупными, тяжёлыми хлопьями, ложился на плечи, на волосы, заметал следы, и в этой звенящей тишине слышно было только, как снежинки с тихим шорохом оседают на землю. Хэ Ян шёл вперёд, оставляя за спиной этот дом, этого человека, всю эту жизнь. Навсегда. Снежинки таяли на разгорячённом лице, смешиваясь со слезами, которые он больше не пытался сдерживать, и ледяные капли скатывались за воротник, обжигая кожу холодом.

Лу Тинфэн смотрел ему вслед, пока силуэт не растворился в снежной мгле, и долго ещё стоял у окна, прижавшись лбом к ледяному стеклу. Холод обжигал кожу, но он не отстранялся, глядя в пустоту и чувствуя, как внутри разрастается странная, непривычная пустота.

Хэ Ян добрался до отеля, нашёл нужный номер. Как он и ожидал, Чжоу Жуйси встретил его распухшим от слёз носом и красными глазами. Он сидел на краю кровати, сжавшись в комок, и при виде брата вскочил, бросился к нему. В номере пахло дешёвым кондиционером, нагретым пластиком и одиночеством, и Хэ Ян, обнимая брата, чувствовал, как тот дрожит всем телом.

— Брат! — голос его сорвался.

Хэ Ян не стал его ругать, он понимал: брат приехал за ним, хотел защитить, боялся, что его снова обидят, и просто обнял его крепко-крепко.

— Я очень волновался, — сквозь всхлипывания рассказал Жуйси, уткнувшись носом в плечо брата. — После того раза, когда этот плохой человек заставил тебя на колени встать, я всё думал: вдруг он опять тебя обидит? Вдруг ударит? Я один приехал, я не умею билеты покупать, попросил дядю-полицейского помочь. А телефон разрядился, я тебе дозвониться не мог. Но я адрес помнил, мы же с тобой к этому дяде в гости ходили. Я на такси доехал, у ворот кричал, тебя звал. А тут он как раз подъехал...

Лу Тинфэн не стал с ним возиться, просто отправил в отель, даже не взглянув.

Они переночевали там, прижавшись друг к другу, как в детстве, когда мир казался большим и страшным, а брат был единственной защитой. От одеяла пахло чужим порошком, за окном гудел ночной город, и каждый раз, когда Хэ Ян закрывал глаза, перед ним вставало лицо Лу Тинфэна, но, чувствуя тепло родного плеча, он запрещал себе думать о прошлом.

А утром Хэ Ян разбудил брата, и они вместе поехали в ЗАГС. Хэ Ян велел Жуйси ждать в машине, а сам вошёл внутрь, вместе с Лу Тинфэном.

Всё решилось быстро. В комнате пахло казённой пылью и старым деревом, бумаги оформили, печати поставили, и сухой стук штампа прозвучал как точка в конце долгой, мучительной истории. Когда они вышли на улицу, морозный воздух обжёг лёгкие, и Хэ Ян обернулся к Лу

Тинфэну, чтобы сказать только одно:

— Прощай навсегда.

В этих словах не было злости, не было обиды, только бесконечная усталость и пустота, а потом он уехал из Пекина вместе с Жуйси, на этот раз действительно навсегда.

Дядя влепил Лу Тинфэну звонкую пощёчину, да так, что у того голова мотнулась, а на скуле мгновенно вспыхнул багровый след. Звук удара, хлёсткий и сухой, разнёсся по гостиной, заставив всех вздрогнуть:

— Ты, неблагодарный выродок! Даже если ты его ненавидел, он всё равно был твоим мужем! Как у тебя рука поднялась вышвырнуть его на улицу без гроша?!

Лу Юйвэнь мирно пил чай в гостиной, болтая с домашними, и в воздухе витал тонкий аромат жасмина, когда этот негодяй вернулся и швырнул на стол брачный договор — развод, и Хэ Ян уходит ни с чем. Ярость захлестнула Лу Юйвэня с головой: семья с положением, с именем, и такой позор? Он что, настолько ненавидел этого мальчика?

Родители Лу Тинфэна, сидевшие тут же, с ужасом смотрели, как дядя бьёт их сына. Сердце обливалось кровью, но они не смели вставить ни слова. В этом доме слово дяди было законом, а Лу Тинфэн с детства боялся только двоих: деда и дядю. Когда Лу Юйвэнь хмурился, все замирали.

— Говори! — рявкнул тот.

— Он сам подписал, — равнодушно бросил Лу Тинфэн, хотя внутри у него всё кипело. Перед глазами всё ещё стояла картина: Хэ Ян на коленях, умоляющий отпустить его, а потом его прямая спина, уходящая в снежную мглу. Этот образ не отпускал, свербел где-то под сердцем.

— Хорошо... — Лу Юйвэнь перевёл дух, стараясь унять гнев. — Это ваше дело, и я уже ничего не изменю. Но, как человек, проживший жизнь, скажу тебе: ты потерял прекрасного супруга. Надеюсь, ты не пожалеешь.

С этими словами он поднялся, опираясь на руку няни, ушёл к себе и оставил в гостиной тяжёлую, давящую тишину.

В доме Лу развода ждали давно. Госпожа Мэй, сияя от радости, захлопала в ладоши:

— Сынок, ты свободен! Я не буду тебя торопить, но если вдруг снова захочешь жениться, девушек приводи, мы с отцом посмотрим, ладно?

Лу Вэньвэнь, едва узнав о разводе брата, тут же набрала Чжао Либин. Та как раз красилась в гримёрке, и при этой новости глаза её вспыхнули торжеством: сколько можно было ждать, наконец-то! Закончив съёмки в тот же день, она помчалась домой, привела себя в порядок и принялась названивать Лу Тинфэну, но все её тщательные приготовления разбились о глухое молчание телефона.

Трубку он не брал, на сообщения не отвечал. Все её тщательные приготовления пошли прахом, и, глядя на своё отражение в зеркале, Чжао Либин вдруг увидела не звезду, а женщину, которую отвергли. В ярости она швырнула телефон об пол, и он разлетелся на куски, осыпав паркет острыми осколками.

Её помощница Ацин оказалась права: Лу Тинфэн, похоже, потерял к ней интерес. Если она не поторопится, не закрепит отношения, не забеременеет, даже если она готова ждать, индустрия не будет.

А индустрия сейчас менялась стремительно: оступисься, и тебя сомнут, раздавят, выкинут на обочину. Новые лица появлялись каждый день, молодые, дерзкие, голодные до славы.

Несколько контрактов Чжао Либин всё же удалось сохранить, но это были мелкие, ничего не значащие рекламные соглашения. Крупные проекты обходили её стороной, режиссёры боялись, что её скандальное прошлое выплывет наружу и утопит всю картину. Те бренды, что раньше выстраивались в очередь, теперь не спешили продлевать контракты. Зачем рисковать, когда есть десятки других, не менее красивых, талантливых и, главное, безопасных?

Её карьера застряла на мёртвой точке, а ей уже скоро тридцать, для актрисы возраст почти критический, и Лу Тинфэн был её единственным шансом. С ним за спиной можно было не бояться ни сплетен, ни интриг, ни чёрных списков, но он молчал, и это молчание, густое и глухое, в котором слышен был лишь далёкий шум города за окном, было страшнее любого отказа. «Неужели всё? Неужели я проиграла?» — стучало в висках, и от этого вопроса не было спасения.

<http://bllate.org/book/16098/1570962>